

РУССКАЯ ФОНЕТИКА В РАЗВИТИИ

Фонетические «отцы» и «дети»
начала ХХІ века

— STUDIA PHILOLOGICA —

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКАЯ ФОНЕТИКА В РАЗВИТИИ

Фонетические «отцы» и «дети»
начала ХХI века

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА
2013

УДК 811.161.1

ББК 81.2 Рус-2

Р 88

*Книга печатается при финансовой поддержке Программы
фундаментальных исследований ОИФН РАН
(проект «Фонетические “отцы” и “дети” начала XXI века.
Стабильность и изменчивость произносительных норм»)*

Редакционная коллегия:

*О. В. Антонова, М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина,
Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова*

Ответственные редакторы:

М. Л. Каленчук, Р. Ф. Касаткина

Р88 Русская фонетика в развитии. Фонетические «отцы» и «дети» начала XXI века / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 464 с.

ISBN 978-5-9551-0619-9

Монография содержит описание современной русской звучащей речи на основе фиксации диахронических процессов в синхроническом состоянии языка. В настоящей работе проанализированы разнообразные звуковые изменения, затрагивающие либо систему в целом, либо одну из частных фонетических подсистем (как собственно языковых, так и социолингвистических). Новейшие данные о русском произношении имеют и чисто теоретическую, и дескриптивную значимость (при кодификации произносительной нормы, в практике преподавания русского языка, в средствах массовой информации, при синтезе и анализе звучащей речи в речевых технологиях). Монография адресована широкому кругу лингвистов, особенно специалистам в области фонетики.

ББК 81.2 Рус-2

ISBN 978-5-9551-0619-9

9 785955 106199 >

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, 2013
© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Устная речь как поле реализации активных процессов в фонетике.....	9

Глава I.

Активные процессы в основной фонетической системе русского литературного языка

1. О фразовых позициях	13
2. Компрессированные формы слов в русской речи.....	22
3. О делимитативной функции фонем.....	28
4. Реализация фонемы /j/	32
4.1. Орфоэпические правила реализации /j/	32
4.2. Инициальный йот перед [и]	51
4.3. Экспериментальные данные о реализации фонемы /j/ в некоторых фонетических позициях	59
5. Произношение сочетаний <i>ea, ia, eo, io, эо</i>	75
6. Реализация вибрантов.....	84
7. Ларингализация на сегментном уровне русской фонетики	91
Литература.....	97

Глава II.

Активные процессы в фонетике подсистем современного русского литературного языка

1. Особенности произношения заимствованных слов	104
1.1. Консонантизм заимствований	104
1.2. Вокализм заимствований	115
2. Фонетика подсистемы сложных слов	121
3. Служебные слова: взаимодействие фонетики и грамматики	152
4. Рефлексы старомосковского произношения в современной звучащей речи	163
Литература.....	218

Глава III.

Активные процессы в фонетике русских говоров

1. Вокализм	225
1.1. Новые данные о говоре деревни Лека Шатурского района Московской области	225

1.2. Фонемы /ɔ/, /ω/, /a/ в слободских говорах Харовского района Вологодской области	231
2. Консонантизм	248
2.1. Консонантизм слободских говоров Харовского района Вологодской области	248
2.2. О некоторых проявлениях апико-альвеолярных артикуляций в русских говорах	292
3. Аканье и яканье — история и современность	295
3.1. Из истории аканья — яканья в русском языке	295
3.2. Архаичный диссимилятивный вокализм в развитии	317
3.3 Развитие системы гласных после твёрдых и мягких согласных в говорах с архаическим типом вокализма	335
Принятые сокращения	358
Литература	359

Глава IV.

Акустические сценарии интервокальных фрикативных и сонорных согласных

Введение	372
Акустические сценарии интервокальных фрикативных	373
Акустические сценарии интервокальных сонорных в литературном русском языке	408
Литература	457

ПРЕДИСЛОВИЕ

Языковая система подвергается постоянным изменениям на разных уровнях, в том числе и на звуковом. При этом фонетические изменения менее явны и менее доступны наблюдателю, чем изменения на других ярусах языка.

Складывается ощущение, что звуковые явления современного русского языка описаны детально и тщательно. Но традиционно фиксируются уже сложившиеся факты и реализованные закономерности. Мы же в настоящее время являемся свидетелями некоторых еще не описанных сдвигов в отдельных фрагментах как сегментной, так и просодической системы русского языка, наблюдающихся *преимущественно* в узусе, но иногда уже затрагивающих и сферу нормы. Эти изменения касаются как словесного уровня (места ударения и метрической структуры слова, реализации фонем), так и уровня фразы (фразовой интонации и размещения фразовых акцентов в высказывании). На современном этапе развития лингвистической науки остро актуальным является фиксирование живых изменений в современной звучащей речи, протекающих в разных группах слов (заимствования, сложные слова, служебные слова, междометия, имена собственные и пр.), а также в разных языковых подсистемах (гендерные и возрастные подсистемы произношения, стилистические разновидности звучащей речи, речь в средствах массовой информации, диалектные подсистемы и пр.).

В настоящей монографии предлагается особый взгляд на произносительный материал — выявление только намечающихся диахронических процессов в синхроническом описании языка. Актуальность такого подхода определяется и чисто теоретической, и дескриптивной значимостью новых данных о произношении, и возможностью их использования при кодификации произносительной нормы, при синтезе и анализе звучащей речи в речевых технологиях, а также в практике преподавания русского языка.

Настоящее исследование проведено не только на «лабораторном» материале, но в значительной части на материале русской спонтанной речи с особым вниманием к «неправильностям» разного рода, а нередко и к случаям отклонения от произносительной нормы, кото-

рые обычно в ортологических словарях приводятся с пометами *не рекомендуется* или *неправильно*. Эти оговорки и «проговорки», повторяющиеся в речи разных носителей языка, могут оказаться в одних случаях отголосками прошлого, в других — предвестниками будущего.

Следует отметить, что указанные две группы речевых явлений по-разному оцениваются слушающими: «отголоски прошлого» в речи воспринимаются значительно лучше, поскольку являются потенциально ожидаемыми, при их перцепции важен момент узнавания «хорошо забытого старого». Иное дело — «предвестники будущего»: их появление всегда неожиданно, поэтому обычно они адекватно воспринимаются только специалистами в области фонетики.

Изменения, рождающиеся в звуковой системе или уже появившиеся в ней, могут иметь отношение либо к системе в целом, либо только к какой-то из частных подсистем. Настоящая монография включает описание и анализ разнообразных фактов такого рода.

Предисловие и раздел «Устная речь как поле реализации активных процессов в фонетике» написаны Р. Ф. Касаткиной. Авторы главы I: Е. Л. Арзиани (раздел 4.3), М. Л. Каленчук (раздел 3), Л. Л. Касаткин (разделы 4.1 и 5), Р. Ф. Касаткина (разделы 1, 2, 4.2, 6 и 7). Авторы главы II: О. В. Антонова (раздел 4), М. Л. Каленчук (разделы 1.2 и 3), Р. Ф. Касаткина (раздел 1.1), Е. С. Скачедубова (раздел 2). Авторы главы III: С. В. Дьяченко (раздел 3.3), Л. Л. Касаткин (разделы 1.2, 2.1 и 3.1), Р. Ф. Касаткина (разделы 1.1 и 2.2) и Д. М. Савинов (раздел 3.2). Авторы главы IV: С. В. Кодзасов и Е. В. Щигель.

УСТНАЯ РЕЧЬ КАК ПОЛЕ РЕАЛИЗАЦИИ АКТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В РУССКОЙ ФОНЕТИКЕ

В наше время происходят изменения на разных уровнях языковой системы, в том числе и на звуковом. При этом звуковые изменения менее явны и менее доступны наблюдателю, чем изменения на других ярусах языка.

Отношения между устной и письменной формами речи непростые и не всегда осознаваемые, даже в лингвистических кругах. Еще в конце 30-х годов XX в. Й. Вахек писал о необходимости различать «письменный язык» («la langue écrite») и «устный язык» («la langue parlée») как две особые системы норм и отмечал, что языковеды лишь с большим трудом могут освободиться от гипноза графики, переходя от оптических знаков — букв к акустическим — звукам (см. [Вахек 1967: 524]). Тем не менее эту очевидную истину приходится напоминать снова и снова. Об этом напомнил и Б. М. Гаспаров: «Несмотря на очевидную первичность устной речи, сложилась очень стойкая традиция, в силу которой устная речь воспринимается на фоне письменной речи и в параметрах этой последней. (...) Даже в фонетике, области, которая, казалась бы, заведомо должна была эмансипироваться в рамках собственно устной речи, воздействие графического образа было и остается определяющим. Ещё в начале прошлого века оно имело непосредственно наивную форму отождествления звуков с буквами. Однако и последующее интенсивное развитие фонетики и фонологии не изменило данного положения в принципе, поскольку это развитие протекало почти исключительно в рамках сегментных единиц, т. е. таких, которые коррелируют с графическими единицами, либо, во всяком случае, могут быть приведены в такую корреляцию с помощью транскрипции» [Гаспаров 1978].

В связи с указанной спецификой устной речи ясно, что многое в этой области оказывается скрытым не только от простого наблюдателя, но даже и от лингвиста, не обладающего фонетическим слухом и нетренированного в области перцепции речевых фактов.

М. В. Панов пишет: «Всё в звуковой материи делят обычно на фонологически существенное, релевантное, входящее в оппозиции —

и фонемно-несущественное, не составляющее оппозиций» [Панов 2004: 411]. Как справедливо отмечает Михаил Викторович, многим фонологам свойственно высокомерно-презрительное отношение к нефонологическим элементам в звуковой цепи [Там же: 411]. Однако анализ именно этих элементов позволяет уловить тенденции развития звуковой системы языка, отражающие активные процессы языковой динамики.

Говоря о специфике работы в области экспериментальной фонетики, С. С. Высотский отметил: «Мы здесь, в лаборатории, постоянно изучаем не язык, а речь. <...> Но из этого потом нужно сделать фонологические и тому подобные выводы, которые относятся уже к категории языка» — из устного высказывания, цит. по [Звучат голоса 2009: 108].

Одной из особенностей устной речи является наличие определенного адресата (индивидуального или коллективного): «письменная и устная речь устроены принципиально различным образом. Устная речь — речь, обращенная к собеседнику, который не только присутствует лично, но и лично знаком» [Лотман 1992: 185], и с этим обстоятельством отчасти связана такая особенность устной речи, как высокая степень эллиптичности. Устная речь опускает то, что собеседнику известно, письменная речь значительно более детализована.

«Устная и письменная речь находятся в постоянном взаимовлиянии, которое в разные культурные эпохи проявляется в стремлении уподобить законы устной речи — письменной или, наоборот, законы письменной речи — устной. Письменная речь дискретна и линейна, устная тяготеет к недискретности и континуумной структуре» [Там же].

В связи с этими обстоятельствами письменные фиксации устной речи для читателя, даже искушенного в лингвистике, выглядят непривычно.

В устной речи значительную роль играют невербальные средства коммуникации — жесты, мимика. Устной речи свойственна не только эллиптичность, но и ее противоположность — избыточность, которая проявляется в повторах, самоперебивах, аутокоррекции и т. д. В этой форме речи в качестве регулирующего и компенсирующего инструмента выступает просодия — фразовая интонация, система акцентов, паузация.

И эта сторона устной речи продолжает быть недостаточно изученной: «сравнительно очень мало известно о мелодике устной речи, т. е. тех компонентах ее звучания, которые не могут быть непосред-

ственно репродуцированы в выработанной письменной традицией форме записи. Таким образом, звучание устной речи фактически предстает как звуковая корреляция письма» [Гаспаров 1978].

Для каждой из двух форм речи характерен свой арсенал способов подчеркивания коммуникативно важных участков. В то же время существуют и некие общие для рассматриваемых форм речи ресурсы: набор дискурсивных слов (некоторые местоимения, частицы) и порядок слов. В устной речи дополнительно используется свой инструментарий создания семантической выделенности отдельных участков текста — набор разнообразных просодических средств. Это составляет специфику устной речи, роль которой еще недостаточно оценена в лингвистике. По образному выражению Ф. Мартена, просодические факты — это «бедные родственники официальной и узаконенной лингвистики, которая почти всегда отбрасывала их в сумерки маргинальности». А между тем по отдельным фактам, уже накопленным исследователями звучащей речи, угадываются очертания грандиозной картины, еще недостаточно изученной, отражающей роль просодии в устной форме речи. Тема-рематическая структура устного высказывания, выявление скрытых грамматических категорий (напр., категории определённости/неопределённости в русском языке), частеречная принадлежность лексем и многое другое — все это в устной русской речи подчинено просодии. В разных языковых системах весомость просодических средств разная, в русской речи она чрезвычайно высока. Устная речь использует три канала передачи информации — вербальный, просодический и визуальный (жесты, мимика), тесно связанные между собой и дополняющие друг друга.

Письменная и устная речь различаются не только по способам передачи информации, по содержанию сообщений и их адресации, но и по различному использованию языковых средств. Различия между двумя формами речи проявляются на разных языковых уровнях, но особенно ярко в синтаксисе и лексике. В многочисленных публикациях, посвященных исследованию разговорной речи, это неоднократно обсуждалось.

Следует различать подготовленные и неподготовленные аудиотексты. Разные жанры устной речи характеризуются разной степенью спонтанности vs. подготовленности.

Согласно У. Чейфу, при восприятии спонтанной речи «различия в порядке слов несущественны», т. к. оперативная память человека не превышает пяти секунд, и за это время слушающий успевает обработать отрезок речи «как единый объект, а не последовательность

отдельных звуков» [Чейф 2008: 82]. Это заключение, основанное на экспериментальных данных американских психологов, позволяет предположить, что «нарушения порядка слов», свойственные устной речи, являются ее имманентной характеристикой.

Применительно к русскому языку активное исследование устной речи как особого феномена началось лишь в 60-х годах прошлого столетия, причем в фокусе внимания исследователей был, а во многом и продолжает оставаться лишь один из жанров этой речевой формы — разговорная речь.

Глава I

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ОСНОВНОЙ ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

1. О фразовых позициях

Фразовые позиции — это фразово-интонационные условия реализации слов в речи. Эти условия определяются прежде всего наличием vs отсутствием акцента — тонального, динамического или темпорального, т. е. акцентного выделения (АВ, проминентности) в том или ином участке звучащей фразы. Обычно акцентом выделяется одно слово, а точнее, один слог — ударный — в слове. Иногда действие акцента распространяется и на соседние слоги и даже слова. Тональные акценты — это значимые изменения высоты тона в мелодии речи, выполняющие две функции. Во-первых, тональный акцент сигнализирует о месте коммуникативного центра в высказывании. Во-вторых, он участвует в создании направления движения тона — вверх, вниз, ровно (см. [Оде 2007: 241]), чем создается мелодия речи.

При наличии в высказывании тематической и рематической групп, в каждой из них в качестве коммуникативных центров обычно выступают слова, отмеченные акцентами — *т ó п и к о м* (акцент, маркирующий тему, в соответствии с пониманием этого в работах ряда американских учёных, напр., [Chafe 1976]), и *фокусом* (просодический центр рематической группы). Позиции слов, маркированных этими акцентами, являются *с и л ь н ы м и*. Безакцентные, «теневые», участки высказывания — это *с л а б ы е* фразовые позиции.

В каждом высказывании имеется фокус — один или несколько, в то время как наличие топики факультативно. В следующей фразе: *Всё о́бщество (Т) расположилось в садú (F)* топик — *о́бщество*, фокус — *в садú*. Во фразе *Все расположились в садú (F)* тема высказывания — *все*, но слово не акцентировано, поэтому топик отсутствует, а фокус совпадает с фразовым ударением *в садú*. Во фразе *Все расположились в садú (F), в тени старых я́блонь (F)* также нет топики, но имеются два фокуса — *в садú* и *я́блонь*.

Фокус может быть узким (при акцентном выделении одного слова) и широким, если тонально выделено не одно слово и слог, а несколько слогов или группа слов: *Все расположились в тени старых яблонь* (узкий фокус) и *Это обязательно?* (подчеркнуты акцентированные гласные) *Все расположились в тени старых яблонь* (широкий фокус), см., напр., [Ladd 1996: 127].

Акцентное выделение может относиться как к отдельному слову, так и к частям слова, т. е. к отдельным морфемам (к первым основам композитов и приставкам). Приведем несколько примеров АВ контраста: *Конференц-зал уже отремонтировали, а **спóртзал** ещё нет. Чернобородый солдат чистил ружьё, а **ры́жеборóдый** давал ему советы. Он, конечно, скорее **шóбумен**, нежели музыкант или талантливый диджей.* (Мунипов. Золотой граммофон). *Вы можете оплатить покупку позднее, но **прéдоплата** нужна прямо сейчас.*

Контраст может быть скрытым, напр.: *С **за́пада** городок окружен лесами. Есть такая наука — **ры́бовéдение**. Глаза у неё были такие зелёные, что невольно вспоминалось слово **фóтосинтез**.* (Крусанов. Перекуём орала на свистела). *И **хлéбовóзка**, коли доберётся, останавливается и торгует рядом.* (Екимов. На хуторе). ***Спóртзал** ещё не отремонтировали. **Бéсцеремóнным** его не назовёшь. **Прéдоплата** требуется заранее.*

При одном единственном определении проминентность нулевая, т. е. она отсутствует: *Мы встретили **рыжеборóдого** лесника. Мальчик искал эту тайну повсюду, **фотосинтез** привёл его в состояние экстаза. Сумму **предоплаты** требуется обсудить заранее.*

При двух и более определениях появляется и может реализоваться возможность проминентности, но сила её меньше, чем при контрасте, напр.: *...на земле сидел рослый детина, краснорóжий и **ры́жеборóдый**.* (Б. Васильев. Были и небыли). *Только один — большой, **ры́жеборóдый**, с отстреленным ухом — добродушно пошутил, остужая пулемёт из Настиного зелёного ведра* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги). *Вот он идёт сюда: высокий, **ры́жеборóдый**, в синем шерстяном костюме.* (Колпакова. Терский берег).

При перечислении может выделяться (акцентироваться) один или несколько из однородных членов: *Здесь располагаются швейные фабрики, **хлáдокомбинáт** и пищевой комбинат; **Тéхникум**, **начáльная** школа и **срéдняя** школа размещались в то время в одном здании. На мою долю выпадает **мýсокомбинáт**, **холодýльныйк**, четвёртая **мéльница** и **хлéбзавóд**.* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

Согласно Дэвиду Кристалу, просодическая проминентность (*prominence*), или акцентная выделенность (АВ), определяется степенью контраста того или иного фонетического объекта по отношению к соседним объектам [Crystal 1987]. Этот контраст обычно создается просодическими средствами, но может затрагивать и сегментные реализации.

Различные позиции под АВ, как правило, являются сильными, однако сила проминентности может быть разной.

Понятие иерархии проминентности обсуждается во многих работах зарубежных учёных, см., напр., [Hussenhoven 1990; Ladd 1996: 76]. Применительно к русскому языку об этом писала И. Г. Торсуева, противопоставляя обычной выделенности «супервыделенность» [Торсуева 1995].

Силовые (энергетические, динамические) и темпоральные (долготные) составляющие — это квантитативные характеристики, относящиеся к категории градуальных. Д. Болинджер писал: «Длительность и громкость можно варьировать только в одном измерении, больше или меньше, тогда как высота тона может принимать самые разнообразные формы» [Bolinger 1986].

Возможно акцентное выделение с использованием этих градуальных характеристик: «не всякий акцент предполагает тональное изменение — акцентирование может быть реализовано только интенсивностью или длительностью» [Кодзасов 2009: 22]. Добавим к этому, что обе эти характеристики могут действовать как по отдельности, так и совместно, а также в соединении с тональными акцентами.

Являясь градуальными по своей структуре, эти два вида акцентов различны по своей связи с сегментными реализациями. Динамические акценты, согласно нашим наблюдениям, не оказывают заметного влияния на характер сегментных реализаций. Иными словами, отрезки высказываний, произнесенные с большей интенсивностью (громкостью), могут быть как полными, так и редуцированными. Динамический акцент не влияет на сегментную реализацию, поэтому при нем возможна фонетическая компрессия. Это можно видеть на рис. 1 и 2.

На рис. 1 акцентированное слово *внимательно* произнесено громко, однако с компрессией суффикса *-тель-* (рис. 1).

На рис. 2 можно видеть слово *обстоятельства* из высказывания *Обстоятельства мне мешали*, произнесенное с динамическим акцентом и с сегментной компрессией.

выражается через фразовую интонацию особой мелодической фигурой **понижения** частоты, просто не понимали и считали отсутствием тона» [Николаева 2008: 45]. Наши наблюдения над спонтанной речью показывают, что позиция под фразовым ударением на последнем слове с равной вероятностью может быть как сильной, так и слабой. Обсуждаемая закономерность может быть сформулирована следующим образом: чем ярче выражен тональный акцент, под которым находится то или иное слово, тем менее вероятна компрессия этого слова.

Исследования последних лет дают основания наметить некоторую классификацию также и тех позиций, которые в совокупности именуются слабыми. Было установлено, что весомость фразовой позиции определяется ее соотносительностью с коммуникативным центром (центрами) высказывания: с центром, предцентром, постцентром. Следует подчеркнуть, что имеется в виду именно коммуникативная нагрузка того или иного участка высказывания, а не его место в линейном развертывании речевой цепочки (начало, середина, конец высказывания).

Сильные фразовые позиции — наиболее благоприятные для реализации всех фонемных единиц, составляющих слово. В слабых же фразовых позициях возможны разнообразные виды компрессии и звуков. Например, слова *внимательный, институт, месячный, одиннадцать, решительно, свойственный, собственно, совершенно, социальный, тысяча, тщательно, человек*, в сильной фразовой позиции (в топике или фокусе) с большой долей вероятности произносятся как некомпрессированные формы: [вн'имат'и'л'нэй], [ин'с'т'итут], [м'эс'и'ч'нэй], [ад'инэцэт'], [р'и'шыт'и'л'нэ], [свóйс'т'в'и'нэй], [сóпст'в'и'нэ], [сэв'и'ршн:э], [сэцыал'нэй], [тыс'и'ч'э], [ч'ш'ат'и'л'нэ], [ч'и'лав'эк].

В слабых фразовых позициях звуковые реализации подчиняются вероятностным закономерностям и вследствие этого более вариативны, т. е. степени компрессии могут быть разными. При максимальной компрессии перечисленные слова могут реализоваться как [н'имат'н'й], [ин'с'тут], [м'эш'н'й], [ад'инц], [р'шыт'нэ], [свóйс'н'й], [сóпс'нэ], [шэн:э], [сцал'н'й], [тыш:э], [ч'ат'нэ], [ч'эк]. Так, например, в высказывании *Мы [бум] стремиться к достижению полного взаимопонимания* акцентируется слово *стремиться*, и позиция перед ним слабая, поэтому глагол-связка *будем* произносится как [бум]. В высказывании *Стремиться-то мы будем [б'уд'и'м], да что из этого выйдет?* — слово *будем* находится в фокусе высказывания и произносится без элизии заударного слога.

Существует иерархия слабых позиций. Самыми слабыми, т. е. допускающими максимальную фонетическую деформацию слов, оказываются предтопикальные и постфокальные позиции.

Например, в двух высказываниях, *Дека́брьские* [пс] вече́ра — это идея Святослава Ри́хтера и Мне наконец уда́лось купить билеты на дека́брьские [бэр'] вече́ра (подчеркнуты акцентированные слова) слово вече́ра выступает то в тематической, то в рематической группе, и в результате определение *дека́брьские* оказывается в первом случае в наиболее слабой предтопикальной позиции, а во втором — в слабой предфокальной позиции, что и находит отражение в разных степенях компрессии этого слова. В примере *Человек* [ч'эк] с улицы, так сказать, первый встречный, не сразу разберется в ситуации, слово *человек* находится в предтопикальной позиции и редуцируется по правилу реализации слов в слабых позициях. В высказывании: *Это был совершенно необыкновенный человек* [ч'эк] это слово в постфокальной позиции произносится столь же редуцированно, т. к. фокус высказывания — на предшествующем слове необыкновенный. Ну что за челове́к! — здесь слово *человек* находится в фокусе высказывания, поэтому обычно реализуется без деформации.

В разговорно-бытовой речи, в отличие от официально-деловой, компрессированные формы возможны не только в слабых, но и в сильных фразовых позициях. Компрессированные реализации *щас*, *чек*, *тыща* и др. в разговорной речи появляются даже под тональными акцентами.

С помощью понятия об иерархии фразовых позиций могут быть прояснены некоторые вопросы, связанные с частеречной фонетикой. Так, различается произношение некоторых однокоренных прилагательных и наречий, т. к. они обычно соотносятся с разными позициями во фразе: например, согласно наблюдению И. И. Ковтуновой, наречия обычно более коммуникативно нагружены в высказывании (т. е. могут находиться в рематической группе), чем прилагательные.

В таких парах, как *наме́ренно* — *наме́ренный*, *тай́нственно* — *тай́нственный* долгота *н* в безударной позиции в спонтанной речи сохраняется скорее в наречии, чем в прилагательном: ср. два высказывания: *Наме́ре[н]ый идти до конца, он попросил слова. Он сделал это наме́ре[нн]о*. Подчеркнуты слова под акцентом.

Следует отметить, что приведенные соображения носят предварительный характер, и вполне возможна дальнейшая классификация сильных позиций, в основе которой лежит различие между подлинно спонтанной и подготовленной спонтанной речью, различия между

акцентами разной природы — силовыми, темпоральными и тональными, а также конфигурационные различия внутри группы тональных акцентов. Кроме того, возможны различия в степени выраженности тональных акцентов, ср. термин «полуакценты», использованные в работе [Кодзасов 1989: 17—18].

Основной вывод, которым можно закончить этот раздел, следующий: среди так называемых **сильных** фразовых позиций выделяется категория **гиперсильных** позиций, к которым относятся темпоральные акценты и так называемые «вопросительные» акценты, т. е. акценты, включающие в свою структуру восходящие тоны.

2. Компрессированные формы слов в русской речи

Эллипсис гласных, согласных, целых слогов и даже последовательностей слогов, долгое время считались свойственными разговорной речи. Многочисленные примеры этого явления представлены в работах Г. А. Бариновой и других исследователей разговорной речи (см., напр., [Баринова 1973]). Было принято считать, что речь, относящаяся к официально-деловому стилю, свободна от этих деформаций «эталонного облика» фонетического слова. Однако анализ текстов небытовой спонтанной речи (интервью образованных людей по радио и ТВ, записей монологической речи на магнитофон, научных докладов, особенно в тех случаях, когда эти доклады не читаются, а произносятся спонтанно) позволяет установить, что и в текстах подобного рода, далёких от «разговорной» речи, присутствуют все явления, перечисленные выше¹.

Противопоставление «разговорная речь» (РР) — «кодифицированный литературный язык» (КЛЯ), в основе которого лежит представление о РР как об особом стиле речи, сложившееся в русистике, в данном случае не работает, и должно быть заменено другим противопоставлением: «спонтанная речь» — «подготовленная речь». Приведем несколько примеров из доклада лингвиста (историка языка) на заседании Учёного совета Института русского языка РАН: [и^ес'т'эс'нэ] — *естественно*, со[пс'нэ] — *собственно*, слéд[эвэт'нэ] — *следовательно*, [этнас'йт'нэ] — *относительно*, ть[ш:'э] — *тысяча*, мы [м'éим] — *мы имеем*, вы[с'н'ён'и^е] — *выяснение*, ка[нн'изáцйэ] — *канонизация*, о[ш'ш'ён'и^е] — *ощущение*.

¹ См. также многочисленные примеры такого рода в работах [Лаптева 2000; Вещикова 2007].

Такие фонетические реализации, как [ч'ек] (*человек*), [т'ер'] (*теперь*), [н'ик'их] (*никаких*), [бум] (*будем*), [к'ит] (*какие-то*), [ид'инс'нэ] (*единственно*), [ин'с'тут] (*институт*), [оч'] (*очень*), [прэс'анал'нэ] (*профессионально*), [скókэ] (*сколько*) и др. регулярно фиксируются в спонтанной речи, относящейся к официально-деловому стилю.

Согласно Р. И. Аванесову, такие редуцированные реализации слов относятся к сфере беглой речи [Аванесов 1950: 34—35], согласно Г. А. Бариновой к разговорной речи [Баринова 1973], согласно А. А. Реформатскому — к компрессивно-аллегровой речи (КАР) [Реформатский 1979].

По Л. В. Бондарко и ее соавторам. обсуждаемые формы соотносятся с «неполным типом» произнесения [Бондарко и др. 1974]. Если отвлечься от указанных различий в терминологии, все перечисленные исследователи демонстрируют один и тот же подход, связывая явления компрессии речи с особым речевым стилем. Между тем, всё встанет на своё место, если принять во внимание позиционную структуру устной речи — ключевые слова для понимания специфики речевой материи.

Этот новый подход к анализу спонтанной речи был продемонстрирован С. С. Высотским. Этот подход может быть определен как позиционный. Именно Сергею Сергеевичу принадлежит термин «фразовые позиции» так же, как и сама постановка вопроса о разграничении фразовых позиций. Обсуждая вопрос о зависимости реализаций безударных гласных от «интонационного фактора» оформления фразы, он писал: «гласные ударенного слога в сильной (здесь и ниже разрядка моя. — Р. К.) части фразы, например, в конце синтагмы, или под логическим ударением² (...) более или менее отличаются от ударенных гласных слов, находящихся в других, слабых фразовых позициях» [Высотский 1967: 10].

В то время в русистике ничего не было известно об акцентном выделении (основополагающая работа [Николаева 1982] появилась значительно позднее), и мнение С. С. Высотского, которое, по существу, являлось предпосылкой смены научной парадигмы, не было должным образом оценено современниками. Говоря о смене научной парадигмы, мы имеем в виду, что теперь в центре фонети-

² Здесь следует уточнить, что термин «логическое ударение», использованный С. С. Высотским, теперь уступил место термину «акцентное выделение», или «тональный акцент», а позиция конца синтагмы, как будет показано ниже, далеко не всегда является сильной.

ческого исследовательского внимания оказывается не слово, как это было в течение долгого времени, а речевой поток, или, уже — высказывание. Не случайно эта идея была высказана диалектологом, который в своих исследованиях работает с устной речью, не имеющей письменной формы. И до сих пор, по прошествии почти полувека эта идея, которая относится к разряду «новое о старом», согласно классификации Т. Куна, продолжает нуждаться в поддержке и пропедевтике.

Спонтанная речь характеризуется высокой степенью неопределённости и непредсказуемости; закономерности, которым она подчиняется, носят вероятностный характер. Так же и фразовые позиции, в отличие от фонетических позиций в слове, имеют вероятностный характер.

Степени компрессии могут быть различными для разных слов. Наиболее частотные слова с определенным фонемным составом испытывают в слабых фразовых позициях максимальную компрессию, на этом основании их можно назвать компрессивами ([бум] (*будем*), [дв́а́ц] (*двадцать*), [заш'ш'а́т'] (*защища́ть*), [ш':ас] (*сейчас*), [шэ́н:э] (*совершенно*), [сб́пс'нэ] (*собственно*), [оч'] (*очень*), [ч'эк] (*человек*) и др.).

Примерами компрессивов являются в русском языке, помимо сравнительно небольшой группы апеллятивов, многие отчества, преимущественно мужские, и некоторые женские (напр., [сáнэч'] и [сáнч'] — *Алекса́ндрович*, [пáлэч'] и [пáлч'] — *Павло́вич*, [ф'б́дэч'] и [ф'оч'] — *Фё́дорович*, [б́с'ич'] и [б́ш':] — *Иосифович*; [сáн:а] — *Алекса́ндровна*, [б́с'нэ] — *Иосифовна*, [пáлнэ] — *Павловна*, [ф'б́днэ] — *Фё́доровна*). См. об этом также [Вещикова 2007].

Для слов, испытывающих в слабых фразовых позициях неполную компрессию, предлагается рабочий термин *частично компрессированные формы* (ЧКФ). Примеры: и[н'с']тýт (*институт*), замеча́[т'нэ] (*замечательно*), пра́[л']но (*правильно*), но́[ув:] (*нового*), пра́[ув:] (*правого*), [и^е]пóнец (*японец*), ско́[кэ] (*сколько*); примеры со стяжением хиатусов: и[н'ца]тíва (*инициатива*), [т'а]тр (*театр*), [с'а]нс (*сеанс*), спе́[ца́]льный; с межслоговой ассимиляцией гласных: [ду]куме́нт (*документ*), [сэ́р]ага́т (*суррогат*) и с элизией согласных в кластерах: инте[r'jý] (*интервью*), н[и^е]тра́льно (*нейтрально*), октя́[а́п]ский (*октябрьский*), не́[р]нича́ть (*нервничать*), нью-йб[рс]кий (*нью-йоркский*), удо[л'и^е]твори́[т']но (*удовлетворительно*), лека́р[ст] (*лекарств*), ме́[рт] (*мертв*), же[рт] (*жертв*), го[с'] (*гость*) и т. д.

При работе над Большим орфоэпическим словарём мы обнаружили значительную вариативность в произношении суффикса *-тель*³ в заударной позиции, когда за суффиксом следует слог или слоги, начинающиеся на согласный (*внимáтельность, занимáтельный, писáтельница, писáтельство, утомíтельный* и т. п.). Как показали наши исследования, этот суффикс по-разному реализуется в существительных, прилагательных и наречиях: *внимáтельность, внимáтельный и внимательно*. Кроме того, особенности реализации суффикса определяются фразовой позицией. Находясь в составе слова в фокусе высказывания, суффикс реализуется без компрессии: *Ты пригляди́сь к нему, Ваня, внимá[т'и'л']но; Его рассказы обычно весьма занимá[т'и'л']ны; Решение его окончá[т'и'л']но; Но: От его внимá[т']ного взгляда не укрылось лёгкое замешá[ц']ство собеседника* — акцентированные слова подчеркнуты. Приведем несколько примеров с компрессией суффикса *-тель* из радиопередач: *Сделайте это, и вы получи́те непритя́зá[т']ное блюдо к обе́ду. Он был до такой степени влия́[т']ным и состоя́[т'и'л']ным, что мог себе многое позволить* — АВ на втором прилагательном (первое произнесено без акцента), поэтому в его составе суффикс *-тель* реализован без компрессии.

Замечено, что в слабых фразовых позициях наиболее подверженным элизии оказываются реализации согласных фонем /в/ и /j/.

Реализации сочетаний гласных и согласных фонем с фонемой /j/ подчиняются своим правилам, напр., [и^е]пóнский (япо́нский), [зэи^е]влéние (заявleние), би[э́]ние (биение), при[э́]хать (приехáть), кита[ä]нка (кита́йнка), маки[ä]ж (макияж), издá[н'н'и^е] (издание), ка[ý]та (каю́та), ли[с'с'и] (лисы), га́ло[ч'ч'и] (галочы), см. об этом подробнее в разделе «Реализации фонемы /j/» настоящей монографии.

Компрессированные формы, возникающие в слабых фразовых позициях, не являются стихийными, но подчиняются определенным произносительным правилам. Анализ фонетического состава 200 наиболее употребительных компрессивов показал, что наибольшей устойчивостью в слабых фразовых позициях обладают ударные гласные и *ключевые* согласные, т. е. наиболее акустически выразительные, доминантные при восприятии: *с и б и л я н т ы*, т. е. свистящие и шипящие фрикативные, а также *а ф ф р и к а т ы*: [з], [з'], [с], [с'], [ц], [ш], [ч'], [ш'ш'], [ж], [ж'ж']. Термин *ключевые согласные* употребляем вслед за Л. Р. Зиндером [Зиндер и др. 1958], который позднее заменил его термином «устойчивые» звуки [Зиндер 1964].

³ Эта особенность в реализации суффикса отмечена также в работе [Вещикова 2007: 142].